

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-28-35
EDN: SXWFCF

Автобиографический аспект поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»

Владимир Иванович Мельник

Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить существенно важный для самого автора духовный смысл поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос», который, в сущности, определяет трагико-оптимистическую тональность, своеобразие образной системы и поэтическую логику произведения. Наибольшее внимание уделено теме смерти и ее автобиографическому наполнению. Тема смерти не только последовательно и настойчиво проходит через всю поэму «Мороз, Красный нос». Она во многом имеет автобиографический, глубоко скрытый смысл, выявляемый лишь в более широком поэтическом и биографическом контексте, а также при обращении к тем основам религиозного мировоззрения Некрасова, которые характерно проявились уже в его первой книге «Мечты и звуки». Главные смыслы поэмы группируются вокруг мотивов земных трудов (иногда радостных и счастливых, иногда тяжелых и «рабских») и небесного освобождения.

Осмысление цели жизни и значения смерти в ожидании собственной близкой, по убеждению поэта, кончины, только что совершившаяся смерть отца, воспоминание о матери, получившей в ранней смерти освобождение от нравственных страданий, – все это наложило неизгладимый отпечаток на одно из великих созданий русской поэзии. Несмотря на то, что главная внутренняя тема поэмы – смерть и ожидание смерти, она является одной из самых оптимистичных произведений Некрасова, следующего догматике христианства: смерть – лишь переход от мира страданий и слез (где «только камни не плачут») к миру любви и свободы.

Ключевые слова: Некрасов; христианство; смерть; земные узы; свобода; автобиографизм; логика поэмы

Для цитирования: Мельник В. И. Автобиографический аспект поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 28–35. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-28-35>. <https://elibrary.ru/SXWFCF>

Original article

Autobiographical aspect of N. A. Nekrasov's poem «Grandfather Frost the Red nose»

Vladimir I. Melnik

Doctor of philological sciences, professor, department of linguistics and literary studies, Moscow state university of design and technology. 117997, Moscow, Sadovnicheskaya st., 33, bld. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Abstract. The article attempts to discover the spiritual meaning of N. A. Nekrasov's poem Grandfather Frost the Red nose, which is vital for the author, and which in fact determines the tragic and optimistic tone, original imagery and poetic logic of the work. Most attention is paid to the theme of death and its autobiographical aspect. The theme of death not only consistently and persistently runs through the entire poem Grandfather Frost the Red nose. In many ways it has an autobiographical, deeply hidden meaning, revealed only in a broader poetic and biographical context, and also in appealing to those foundations of Nekrasov's religious outlook, which were already characteristically evident in his first book, Dreams and sounds. The main meanings of the poem are grouped around the motifs of earthly toil (sometimes joyful and happy, sometimes hard and «slavish») and heavenly liberation.

A reflection on the purpose of life and the meaning of death in anticipation of his own close demise (in the poet's own conviction), his father's recent death, the memory of his mother, who received liberation from moral suffering in her early death, all this left an indelible impact on one of the great creations of Russian poetry. Although the main internal theme of the poem is death and the expectation of death, it is one of Nekrasov's most optimistic works,

following the Christian dogma: death is only a transition from the world of suffering and tears (where «only stones do not weep») to the world of love and freedom.

Key words: Nekrasov; Christianity; death; earthly bonds; freedom; autobiography; logic of the poem

For citation: Melnik V. I. Autobiographical aspect of N. A. Nekrasov's poem «Grandfather Frost the Red nose». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):28–35. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-28-35>. <https://elibrary.ru/SXWFCF>

Введение

Поэма «Мороз, Красный нос» – одно из самых загадочных произведений Н. А. Некрасова, проникнутое интуитивными началами. Первоначальная редакция поэмы, опубликованная в 1863 г. в журнале «Время», носила название «Смерть Прокла» [Некрасов, 1863, с. 302–305]. По сути, это была еще не сама поэма, а описание важнейшего сюжетобразующего события, легшего в ее основу. Комментаторы академического собрания сочинений поэта отмечают: «Первоначальная редакция (опубликованная в журнале «Время») состояла из гл. I, II, VI и VII основного текста; для нее характерны фрагментарность и незавершенность. Она легла в основу первой части окончательного варианта поэмы. Время работы над нею определяется Ф. И. Евниным как декабрь 1862 г. (см.: Некр. сб., III, с. 59–61)» [Некрасов, 1982, с. 557]. Однако любопытно, что уже в бытовые зарисовки похорон Прокла попал совсем не бытовой образ юродивого Пахома, которому посвящена практически полностью четвертая главка. Этот образ связан уже с главной темой будущей поэмы – темой Божьего Промысла, провозвестником которого и выступает Пахом. Впрочем, пока поэма Некрасова не была развернута во всей широте, этот образ воспринимался как что-то экзотическое и почти случайное.

Известно, что 18 февраля 1864 г. на вечере Литературного фонда, предвзято чтение поэмы, Некрасов сказал, что «его новое произведение не имеет никакой тенденции, почему он и просит слушателей не подозревать в нем <...> никакого служения направлению. Мне хотелось... написать несколько картинок русской сельской жизни; я попытался изобразить судьбу нашей русской женщины; я прошу внимания слушателей, ибо „если они не найдут в моей поэме того, что я задумал, они ничего в ней не найдут”» [Библиотека для чтения, 1864, с. 68]. Очень долгое время поэма «Мороз, Красный нос» воспринималась в рамках этого высказывания автора. Исследователи акцентировали социальную сторону изображаемых событий, подчеркивали необыкновенное

знание Некрасовым крестьянской жизни, включая ее светлые стороны, причем на главное место выдвигалась фигура «нашей русской женщины». Тем не менее, высказывания о смысле поэмы часто носили слишком общий, обтекаемый характер. Стереотип подобных высказываний характерно выразил В. В. Жданов: «Поэт задумал изобразить судьбу и характер крестьянской женщины, ее терпение и выносливость, любовь к труду, доброту и поэтичность ее души. Он хотел показать, что дух ее не сломлен, несмотря на все невзгоды, ставшие участью русской крестьянки... Вместе с тем поэт без сентиментальности и фальши обрисовал крестьянскую жизнь с ее повседневным трудом, заботами и лишениями... Художественное своеобразие и особый колорит придают поэме сказочно-фольклорные мотивы... Жизнь деревни тесно слита с природой...» [Жданов, 1982, с. 369–370]. Перечислительный характер присущих поэме черт показывает, что вне поля зрения исследователей осталась глубинная логика поэмы, затаенная авторская мысль. Между тем, в последнее время наблюдаются попытки выявить если не эту внутреннюю логику поэмы, то ее более высокие смыслы.

Некрасововедение усиленно пытается расширить культурный контекст размышлений о поэме «Мороз, Красный нос». Не случайно Н. Н. Скатов, вслед за другими исследователями, сравнительно недавно напомнил высказывание Ш. Корбэ: «Автор самого большого на Западе и вообще одного из самых больших исследований о Некрасове, известный литературовед... Шарль Корбэ, полагает, что если и есть в новой литературе поэтическое произведение – аналог гомеровской «Илиаде», то это именно «Мороз, Красный нос» (Корбэ видит и прямые параллели: скорбь старика отца над умершим сыном Проклом и плач Приама над убитым сыном – Гектором)» [Скатов, 1994, с. 320]. О гомеровской поэтике некрасовского эпоса писал и А. И. Груздев: «В „Морозе...” возникает что-то близкое гомеровской „двойной мотивации” поступков, событий, характеров. События и поступки персонажей определяются, прежде всего, волей обстоятельств, а затем другой, надчеловеческой волей.

Здесь и роковой случай, и зимний холод, и варварское лечение, и воздействие ненормальных социальных условий» [Груздев, 1975, с. 164].

Другой важный акцент наметился в тех работах о поэтике поэмы, которые возвращают нас к ее названию, а значит и к проблеме общего смысла произведения. Обозначенная еще в 1956 г. Т. С. Колосовой тенденция увидеть связь поэмы со сказкой «Морозко» [Колосова, 1956, с. 197–210] находит все более глубокие и последовательные продолжения в современном некрасоведении. В фигуре Мороза исследователи справедливо почувствовали смысловую многозначность и важность для всей художественной концепции произведения. Правда, пока работа идет скорее на ощупь. В. А. Сапогов в свое время отметил: «... заженный очаг, тепло возвращают дому *живое*. Здесь и заключена более глубокая (чем только бытовая) мотивировка сюжетного хода: Дарья едет в лес за дровами. Она направляется к Морозу, в царство смерти за живым, как в сказках идет в мертвое царство за живой водой» [Сапогов, 1980, с. 31]. Экзотично развивает тему современный исследователь Кирилл Борисов: «Воевода Мороз – существо из другого, фантастического мира, мира, который располагает за гранью земного бытия. Он не превращается в Прокла, как это описывает Некрасов, он и есть Прокл...» [Борисов]. Автор считает, что под видом Мороза действует Прокл, «воскресший» подобно Акакию Акакиевичу Башмачкину из «Шинели» Н. В. Гоголя: «Некрасовский человек тоже «маленький человек», угнетенный системой. Его жизнь также обрывается из-за этой системы. Подобно Башмачкину, Прокл воскресает в ином, фантастическом обличье. Также как и призрак Акакия Акакиевича, Воевода Мороз наказывает за свою смерть всех людей без разбора: герой Гоголя – срывающая с них шинели, Мороз – пугая и замораживая их. Безусловно, Некрасов читал и знал гоголевскую „Шинель“» [Борисов]. Проявился интерес к романтическим, мистическим моментам в поэме. Если К. Борисов сопоставляет поэму Некрасова с балладой В. А. Жуковского «Людмила», то Е. О. Яцкив – с балладой Жуковского «Лесной царь» [Яцкив, 2021, с. 90–92]. А. Б. Криницын в статье «Романтические мотивы в поэме Некрасова „Мороз, красный нос“» развивает мысль А. И. Груздева о связи образа Мороза с образом лермонтовского Демона [Криницын, 2012, с. 515–534].

Подобные интерпретации некрасовского текста говорят, во-первых, о том, что написанная во

многом на поэтических интуициях поэма «Мороз, Красный нос» несет в себе смысловую многозначность и отнюдь не ограничивается социальной темой. Во-вторых, вектор развития интерпретаций все более очевидно склоняется к обнаружению в поэме ярко выраженного духовного начала, вплоть до демонизма и мистики. Но демонические и т. п. мотивы в поэме Некрасова имеют корни не столько в фольклоре как таковом, сколько в христианском взгляде поэта на свою собственную и вообще человеческую судьбу. Поэтому попытки исследователей рассмотреть указанные мотивы вне христианского мировоззрения Некрасова в целом обречены на фрагментарность, а в чем-то и на непоследовательность. Между тем сегодняшнее некрасоведение как-то опасливо обходит главную мировоззренческую проблему Некрасова стороной.

Нам уже приходилось писать о том, что проблематика поэмы связана, прежде всего, с темой Божьего Промысла [Мельник, 2006; Мельник, 2007, с. 428–438; Мельник, 2007, с. 35–47; Мельник, 2008]. В настоящей работе мы намерены развить свою мысль, поскольку тема Божьего Промысла имеет в поэме автобиографический смысл и базируется, прежде всего, на мотивах, связанных со смертью, а именно с «безвременными», «несправедливыми» смертями молодых по возрасту героев.

Некрасов прожил недолгую жизнь – он скончался в возрасте 56 лет, в 1877 году. Подозрения же о скорой смерти начали терзать его гораздо ранее – еще в 1840-е гг., когда ему не было и 3-ти лет. У поэта была болезнь горла, мешавшая ему даже говорить. Болезнь обострилась в 1855 г. В 1856 г. лечащий его доктор П. Д. Шипулинский послал его за границу, чтобы он посоветовался с каким-то знаменитым венским доктором. «После свидания с венской знаменитостью Некрасов снова впал в уныние. Знаменитость нашла его болезнь очень серьезной, предписала строжайший режим и велела ему ехать в Италию, где и провести зиму» [Панаева, 1972, с. 243]. По свидетельству современников, во многих разговорах Некрасов раздраженно говорил о неизлечимости своей болезни: «Я очень хорошо вижу, что все доктора сбывают меня с своих рук, зная, что болезнь моя неизлечима. Я не из тех малодушных больных, которых можно им дурачить посылками на излечение подальше от себя...» [Панаева, 1972, с. 248]. Болезнь время от времени обострялась, поэту постоянно казалось, что он должен скоро умереть, иногда он по

два дня ни с кем не говорил.

В этой связи вспомним вступление к поэме «Мороз, Красный нос», которая была начата в 1862 г. В предисловии поэт обращается к своей сестре:

А теперь – мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя – и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Поэма «Мороз, Красный нос» была посвящена Некрасовым его сестре – Александре Алексеевне, и он называет поэму – «последней песней». Во многом это ключ к поэме. К сожалению, исследователи «Мороза» не обращали внимания на столь важный факт, определяющий как тональность, так и проблематику произведения. Между тем, смерть – едва ли не главная «героиня» поэмы, она является в разных лицах, в том числе и в образе Мороза. Между смертями, изображенными в поэме, много общего несмотря на различия персонажей.

Смерть крестьянина Прокла иконописна и эпична. Перед нами как бы даже не смерть, а очередная, хорошо исполненная крестьянская работа:

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо – и до рук борода...

Здесь ощутима не только эпичность события, но и его эстетика. Совершенно не случайно то, что Некрасов называет лицо покойного Прокла красивым.

Первое название поэмы «Смерть Прокла» хотя и было заменено на более поэтическое, несло в себе зерно главной мысли. Смерть Прокла – это

смерть крестьянина. Недаром первоначально текст поэмы, сложившейся у Некрасова к 21 августа 1863 г., носил более общее название: «Смерть крестьянина» [Некрасов, 1982, с. 557]. Вся жизнь крестьян, основанная на ежедневном труде, проявляет свою истинную цену в акте смерти. Смерть крестьянина показана Некрасовым как то, что меняет «долю», судьбу всего крестьянского семейства, весь строй ее жизни. На первом плане не только горе как таковое, свойственное представителям всех сословий, но вопрос и о буквальном выживании всех остальных членов семьи. Только что похоронивший отца и ожидающий своей собственной кончины Некрасов, описывая смерть крестьянина, невольно сравнивал «барское» и крестьянское горе – и тем самым показывал истинную цену вещей. Наследники барина, погоревав, возвращались к своим делам, крестьянские дети оставались без кормильца, их ждала неизвестность. «Земное иго» довлело над ними куда сильнее.

В поэме не случайно показана еще одна смерть, смерть молодой схимонахини в монастыре. Это смерть духовного лица. Трагичность события заключается в том, что умирает едва ли не самая молодая, если не сказать юная, насельница монастыря. Некрасов как человек духовно опытный понимал, что схима дается либо выдающимся своими подвигами монахам, либо тяжело заболевшим (скорее всего в случае с некрасовской схимонахиней так и было). Схимонахи – по образу своей монашеской жизни и молитвы – духовная опора монастыря. В этом сходство героини с Проклом, который был опорой для своей семьи. И еще одно сближает их – красота смерти. Если кончина Прокла – своего рода икона смерти крестьянина, то безымянная схимонахиня – также показывает образец монашеской кончины: «Спит молодая, спокойная... Всех ты моложе, нарядней, милей». Некрасов снова подчеркивает эстетику смерти: «Ты меж сестер словно горлинка белая // Промежду сизых, простых голубей». Учитывая смерть молодой и красивой Дарьи, становится ясно, что Некрасов с какой-то целью показывает в поэме кончину самых молодых, самых красивых, самых нужных для окружающих героев, как бы напоминая слова из покаянного канона: «Не уповай, душе моя, на телесное здравие и на скоромноходящую красоту, видиши бо, яко сильные и младии умирают...».

Эстетическое начало особенно сильно проявляется в смерти Дарьи. Кончина всех троих «красивых и молодых» героев показана как «сон» («Уснул, потрудившийся в поте» Прокл, «спит

схимонахиня», «Дарья стояла и стыла // В своем заколдованном сне...»).

В 1862 г. самому Некрасову был лишь сорок один год, и его многолетняя уверенность в близкой смерти, переживания, но, главное, попытка осмыслить свою жизнь и возможную скорую кончину с христианской точки зрения, несомненно, находят выход в изображении смерти «сильных и младых» в поэме. Все изображенные смерти не случайны, они связаны между собой глубокой, покаянной и в то же время чрезвычайно оптимистичной по духу авторской логикой, которую мы попытаемся выявить.

Эстетически окрашенный, но и глубоко духовный мотив смерти как сна вырастает у Некрасова и из осмысления своей собственной жизни, из его духовных надежд. Все трое героев показаны как «опорные» для окружающих людей, «потрудившиеся», образцово исполнявшие свой долг. В этом смысле ранняя кончина, с христианской точки зрения, не есть несчастье или наказание, но часто, напротив, Божья милость. Они все заслужили отдых после тяжести земных трудов.

Как люди, исполнившие свой долг до конца, они возведены Некрасовым в праздничную, «иконописную» кончину, говорящую об их святости. Именно поэтому во всех «сильных и младых» покойниках просвечивает духовная красота и, напротив, совершенно не изображается безобразие смерти, страх, несчастье. При виде молодой схимонахини Дарья не испытывает чувства потери, несчастья. Напротив, изображаемая атмосфера показывает, что Некрасов хорошо знает житийную литературу, где часто описывается, что на похоронах праведников окружающие ощущают торжественность момента, неизбежность воскресения, чувство пасхальной радости. Дарья сравнивает схимонахиню с ангелом и молится ей как святой, обращаясь за помощью:

Этак-то ангелы кротки!
Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

При кончине Прокла юродивый Пахом призывает его родных не печалиться:

Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,
Потом помычал сердобольно,
Вздыхнул и сказал: «Не беда!...».

Да и сам автор поэмы, описывая необычную, по-своему радостную кончину Дарьи, говорит: «Она улыбалась. Жалеть мы не будем об ней». Все дело в том, что еще в своей первой книге «Мечты и звуки» Некрасов продемонстрировал, в частности, и в стихах о смерти, хорошее знание законов духовной жизни. Он понимает: то, что с земной точки зрения кажется благом, в духовном смысле губельно, ничтожно – и наоборот. Бояться и страшиться человек должен не смерти, которая рано или поздно придет, а Божьего Суда. Герои поэмы «Мороз, Красный нос» показаны поэтом как святые, вот почему их смерть «не беда» и почему не только о Дарье, но и обо всех них «жалеть мы не будем». Сам подбор лиц («молодые и сильные») и кончина этих героев показана автором поэмы так, что становится понятно: в их смерти явно участвовал Божий Промысл. Старые родители Прокла, пожилые монахини и крестьяне продолжают жить, а молодые и красивые уходят из жизни – это не парадокс поэмы, а напоминание о словесной формулировке «Бог взял» и о том, что Бог посылает человеку кончину в лучшее для него время, хотя, по мирским представлениям, кончина может быть «безвременной». Ожидающий своей собственной кончины Некрасов уверен, что смерть посылается человеку в нужный для него час. Об этом он размышлял еще в стихотворениях 1830-е гг., что показал сборник «Мечты и звуки» [Мельник, 2022]. Предсмертные стихи показывают, что Некрасов как христианин не боится смерти, видит в ней долгожданную свободу от земного гнета и крепко верит в лучшую долю за гробом. Раннюю же смерть он чтит как нечто особенное, как своего рода избранность. В этом смысле интерес представляет смерть мальчика-пастушка от удара молнии из стихотворения 1860 г. «Деревенские новости», тоже отмеченная у Некрасова своеобразной красотой успения святого:

Утомился Волчок –
Спит себе. Кровь на рубашке,
В левой ручонке рожок,
А на шляпенке веночек
Из васильков да из кашки!

Такая смерть-успение возводит мальчика на степень святости – в параллель к житию св. отрока Артемия Веркольского, убитого молнией. Здесь не случайно упомянут веночек, вызывающий ассоциации с небесным венцом, изображаемым Некрасовым также в стихотворении о своей приближающейся кончине («Баюшки-баю»). Очевидно, что Некрасов питал личный интерес к проблеме святости рано ушедших из жизни по воле Бо-

жьего Промысла. Это определяло его отношение к подобным смертям как к «пасхальным» и внушало ему надежду, помогавшую переносить постоянное ожидание ранней смерти.

Уже понятно, что чрезвычайно важным является автобиографический аспект темы, переживания и обстоятельства жизни самого Некрасова, вошедшие в поэму. Так, например, осмысливая проблему ранней смерти человека и, возможно, связанной с этим его святости, Некрасов, несомненно, отталкивался, прежде всего, от образа собственной матери, которая скончалась в возрасте 38 лет. Некрасов не просто боготворил свою мать, по словам Ф. М. Достоевского, «мученицу» [Достоевский, 1984, с. 211]. Поэт был склонен приписать ей, хотя и в условных поэтических формах, образ святости. Характерным в этом плане является предсмертное стихотворение 1877 г. «Баюшки-баю», в котором она изображена как имеющая дерзновение просить Бога о судьбе своего сына. Она уже вымолила его у Бога и держит в руках также венец святости (хотя Некрасов лишь метафорически намекает на это, говоря о поэтическом венце):

Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прими трудов венец желанный,
Уж ты не раб – ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!
.....
Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья...

В стихотворении тесно увязаны и взаимно переплетены мотивы личной святости и спасения, с одной стороны, и мотив поэтического бессмертия поэта – с другой. Что касается первого, то в «Баюшки-баю» переведены в личный план те главные переживания Прокла и Дарьи, которые в своей ранней смерти также обретают свободу от земных страданий и рабства, получают венцы «любви и прощенья». Как и в поэме «Мороз, Красный нос», в стихотворении отсутствует боязнь смерти, ибо она есть освобождение от всех земных оков, страданий и мук (как сказано в «Морозе», «здесь одни только камни не плачут»). Мать-мученица успокаивает его и говорит о смерти как о сне, что снова возвращает нас к поэме «Мороз, Красный нос»:

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы!
Усни, страдалец терпеливый!
.....
Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!

Мать у Некрасова, помимо прочего, его заступница не только на земле, но и на небе. Поэт, в ожидании близкой смерти, всегда вспоминал ее. Как и в 1877 г. на пороге смерти, он вспомнил о матери и в 1862 г. во вступлении к поэме «Мороз, Красный нос», причем вспомнил очень характерно – в связи с мотивом смерти:

Буря воев в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...

В сущности, это четвертая по счету упоминаемая в поэме смерть – смерть родной матери. Образ гибкой ивы (матери) контрастирует с образом дуба (отца). Таким образом, есть и пятая смерть в поэме, смерть отца. Характерно, что и отец, по мнению многих, не очень любимый Некрасовым, все-таки упомянут хотя бы одной строкой. И снова это возвращает нас к автобиографическому срезу поэмы «Мороз, Красный нос». Основная работа над отрывком поэмы «Смерть Прокла», по мнению Ф. И. Евнина, следует датировать декабрем 1862 г. К сожалению, комментаторы академического Некрасова никак не упоминают кончину отца Некрасова в ноябре 1862 г., а пишут как о существенно важном – о «зимних впечатлениях», отразившихся в «Смерти Прокла»: «В конце ноября он снова был у отца, затем провел некоторое время в Новгородской губернии. Впечатления от зимней деревни, вероятно, и легли в основу картин, изображенных в первоначальной редакции поэмы» [Некрасов, 1982, с. 557]. Комментаторы проявили большую небрежность, написав, что Некрасов в конце ноября «снова был у отца».

Известно, что 26 ноября поэт «готовится ехать в Ярославль в связи с получением телеграммы о том, что отец его умирает» [Летопись, 2007, с. 328]. Алексей Сергеевич Некрасов умер 30 ноября. Фраза «снова был у отца» говорит скорее о встрече с живым отцом, нежели о его похоронах. В этом смысле гораздо важнее и существеннее не «впечатления от зимней деревни», а впечатления от зимних похорон, как они показаны в поэме «Мороз, Красный нос»:

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатой снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела –
Ворона ни с чем убралась...

Кладбищенские впечатления в поэме навеяны похоронами отца. Сам ожидающий смерти, Некрасов глубоко переживал эти впечатления.

Заключение

Таким образом, тема смерти не только последовательно и настойчиво проходит через всю поэму «Мороз, Красный нос». Она во многом имеет автобиографический, глубоко скрытый смысл, выявляемый лишь в более широком поэтическом контексте и при обращении к тем основам религиозного мировоззрения Некрасова, которые характерно проявились уже в его первой книге «Мечты и звуки». Главные смыслы поэмы группируются вокруг мотивов земных трудов (иногда радостных и счастливых, иногда тяжких и «рабских») и небесного освобождения, эти мотивы также впервые прозвучали еще в «Мечтах и звуках». В отличие от ранних опытов, Некрасов мастерски сочетает религиозные мотивы с жизненными, отчего религиозная тема звучит ненавязчиво, без дидактики, но в конечном счете определяет смысл произведения. Осмысление цели жизни

и значения смерти в ожидании собственной близкой, по убеждению поэта, кончины, только что совершившаяся смерть отца, воспоминание о матери, получившей в ранней смерти освобождение от нравственных страданий, – все это наложило неизгладимый отпечаток на одно из великих созданий русской поэзии. Несмотря на то, что главная внутренняя тема поэмы – смерть и ожидание смерти, она является одной из самых оптимистичных произведений Некрасова, следующего догматике христианства: смерть – лишь переход от мира страданий и слез (где «только камни не плачут») к миру любви и свободы.

Библиографический список

1. Библиотека для чтения. 1864. № 2.
2. Борисов Кирилл. О поэме Некрасова «Мороз, Красный нос». URL: sobolev.franklang.ru...borisov...poeme...moroz-krasnyj-nos.
3. Груздев А. И. «Мороз, Красный нос» – эпическая поэма нового типа // О Некрасове. Вып. 4. Ярославль: Верхне-волжское книжное издательство, 1975.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 30 томах. Т. 26. Ленинград: Наука, 1984.
5. Жданов В. В. Н. А. Некрасов // История русской литературы. В 4-х томах. Т. 3. Ленинград: Наука, 1982.
6. Колосова Т. С. Традиции народной сказки в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» // Некрасовский сборник. Т. 2. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. С. 197–210.
7. Криницын А. Б. Романтические мотивы в поэме Некрасова «Мороз, красный нос» // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. Сб. статей. Москва: Три квадрата, 2012. С. 515–534.
8. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. В 3-х томах. Т. 2. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
9. Мельник В. И. Алогичное и чудесное в поэме «Мороз, Красный нос» // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры. Материалы конференции. Ярославль, 2006. С. 27–31.
10. Мельник В. И. Православный аспект поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Духовный потенциал русской классической литературы. Сборник научных трудов. Москва: Русский мир, 2007. С. 428–438.
11. Мельник В. И. Божий Промысл в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 26. Воронеж, 2007. С. 35–47.
12. Мельник В. И. Что же хотел сказать Некрасов в поэме «Мороз, Красный нос»? // Роман-журнал XXI век. 2008. № 7. С. 88–91.
13. Мельник В. И. Аграфы «В чем застану, в том и сужу» у В. Шекспира и раннего Н. А. Некрасова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 134–148.
14. Мельник В. И. Святоотеческое учение в поэзии раннего Н. А. Некрасова: от религиозного сюжета к евангельскому идеалу // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2. С. 8–16.

15. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Т. 4. Ленинград : Наука, 1982.

16. Некрасов Н. А. Смерть Прокла // *Время*. 1863. № 1. С. 302–305.

17. Панаева А. Я. Воспоминания. Москва : Худ. лит., 1972.

18. Сапогов В. А. Анализ художественного произведения (поэма «Мороз, Красный нос»). Ярославль : Изд.-во КГУ имени Н. А. Некрасова, 1980.

19. Скатов Н. Н. Некрасов. Москва : Молодая гвардия, 1994.

20. Яцкив Е. О. Отражение романтической традиции в поэме Н. А. Некрасова «Лесной царь» // *Acta eruditorum*. 2021. № 36. С. 90–92.

Reference list

1. Biblioteka dlja chtenija = Books for reading. 1864. № 2.

2. Borisov Kirill. O pojeme Nekrasova «Moroz, Krasnyj nos» = On Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose». URL: sobolev.franklang.ru...borisov...poeme...moroz-krasnyj-nos.

3. Gruzdev A. I. «Moroz, Krasnyj nos» – jepicheskaja pojema novogo tipa = «Grandfather Frost, the Red Nose» is an epic poem of a new type. // *O Nekrasove*. Vyp. 4. Jaroslavl' : Verhne-volzhsкое knizhное izdatel'stvo, 1975.

4. Dostoevskij F. M. Sobraenie sochinenij = Collected works: V 30 tomah. T. 26. Leningrad : Nauka, 1984.

5. Zhdanov V. V. N. A. Nekrasov = N. A. Nekrasov // *Istorija russkoj literatury*. V 4-h tomah. T. 3. Leningrad : Nauka, 1982.

6. Kolosova T. S. Tradicii narodnoj skazki v pojeme Nekrasova «Moroz, Krasnyj nos» = Folk tale traditions in Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // *Nekrasovskij sbornik*. T. 2. Leningrad : Izd.-vo AN SSSR, 1956. S. 197–210.

7. Krinicyн A. B. Romanticheskie motivy v pojeme Nekrasova «Moroz, krasnyj nos» = Romantic motives in Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // *Pamjati Anny Ivanovny Zhuravlevoj*. Sb. statej. Moskva : Tri kvadrata, 2012. S. 515–534.

8. Letopis' zhizni i tvorcestva N. A. Nekrasova = Chronicles of N. A. Nekrasov's life and work. V 3-h tomah. T. 2. Sankt-Peterburg : Nauka, 2007.

9. Mel'nik V. I. Alogichnoe i chudesnoe v pojeme «Moroz, Krasnyj nos» = The alogical and the miraculous in the poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // N. A.

Nekrasov v kontekste russkoj kul'tury. Materialy konferencii. Jaroslavl', 2006. S. 27–31.

10. Mel'nik V. I. Pravoslavnyj aspekt pojemy N. A. Nekrasova «Moroz, Krasnyj nos» = Orthodox aspects of N. A. Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // *Duhovnyj potencial russkoj klassicheskoj literatury*. Sbornik nauchnyh trudov. Moskva : Russkij mir, 2007. S. 428–438.

11. Mel'nik V. I. Bozhij Promysl v pojeme N. A. Nekrasova «Moroz, Krasnyj nos» = God's Providence in N. A. Nekrasov's poem «Grandfather Frost, the Red Nose» // *Filologicheskie zapiski*. Vestnik literaturovedenija i jazykoznanija. Vyp. 26. Voronezh, 2007. S. 35–47.

12. Mel'nik V. I. Chto zhe hotel skazat' Nekrasov v pojeme «Moroz, Krasnyj nos»? = What was Nekrasov's message in the poem «Grandfather Frost, the Red Nose»? // *Roman-zhurnal XXI vek*. 2008. № 7. S. 88–91.

13. Mel'nik V. I. Agrafa «V chem zastanu, v tom i suzhu» u V. Shekspira i rannego N. A. Nekrasova = Agrapha «In whatsoever things I apprehend you, in those I shall judge you». in W. Shakespeare and the early N. A. Nekrasov // *Problemy istoricheskoj pojetiki*. 2022. T. 20. № 1. S. 134–148.

14. Mel'nik V. I. Svjatootechesкое uchenie v poezii rannego N. A. Nekrasova: ot religioznogo sjuzheta k evangel'skomu idealu = The Doctrine of the Holy Fathers in the early N. A. Nekrasov's poetry: from the religious plot to the evangelical ideal // *Verhnevolskij filologicheskij vestnik*. 2022. № 2. S. 8–16.

15. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem = Complete collection of works and letters. V 15 t. T. 4. Leningrad : Nauka, 1982.

16. Nekrasov N. A. Smert' Prokla = The death of Proclus // *Vremja*. 1863. № 1. S. 302–305.

17. Pанаева А. Я. Vospominanija = Reminiscences. Moskva : Hud. lit., 1972.

18. Sapogov V. A. Analiz hudozhestvennogo proizvedenija (pojema «Moroz, Krasnyj nos») = Analyzing a work of fiction (he poem «Grandfather Frost, the Red Nose») Jaroslavl' : Izd.-vo KGU imeni N. A. Nekrasova, 1980.

19. Skatov N. N. Nekrasov = Nekrasov. Moskva : Molodaja gvardija, 1994.

20. Jackiv E. O. Otrazhenie romanticheskoj tradicii v pojeme N. A. Nekrasova «Lesnoj car'» = The Romantic tradition reflected in N. A. Nekrasov's poem «The Forest Tsar» // *Acta eruditorum*. 2021. № 36. S. 90–92.

Статья поступила в редакцию 14.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 14.05.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.